

Автор: Матвеева Алиса.

Название: «Герои ошибаются».

Персонажи: Питер Паркер, Эм-Джей.

Размер и количество частей: 5 страниц, 1 часть.

Жанры: повседневность, повествование от первого лица, драма.

Описание: Питер Паркер – герой Нью-Йорка, подросток, учащийся в школе, и парень Эм-Джей. Ему приходится сделать выбор. Но герои тоже ошибаются.

Однажды всё может закончиться. Для тебя, но не для мира. Он продолжит вертеться, даже если ты исчезнешь. Никто не заметит изменений. Даже вы уже не узнаете о том, что вас нет. Но больше не будет солнца по утрам и алого закатного неба вечером, сладкого кофе в обед и булочек на ужин. Никаких прогулок с подругами и теплых поцелуев с парнем. Ничего, что было частью вас, не повторится вновь — привычная жизнь просто испарится и останется пустота.

Пустота — это вы. Она есть везде, но также её нигде нет. Мир живет, а вам остается существовать среди его уже чуждого вам беспорядка.

Коллеги неизменно ходят на встречи после работы и обсуждают свое начальство так же, как и когда-то при вас. Ваша рыжая кошка продолжает спать на той самой розовой подушке, и её также кормят три раза в день, но чужие руки. Солнце снова встает из-за горизонта, колесит по нему и прячется как миллион раз при вас. И дождь с его холодными и теплыми каплями, и изнурительная жара, и сильный ветер — погоде неважно, она танцует в черед смен сезонов так, словно вы еще здесь. Даже ваше тело еще существует и повторяет заложенные в него функции в то время, как та часть вас, которая и была *Вами*, заперлась глубоко внутри и отгородилась от реальности.

— Получается, вот и все, да?

— Не знаю. Я не хочу этого, Эм-Джей, — голос его хрипел и звук отдавался в моих костях вибрацией, напоминая мне, что мои легкие еще дышат, что кислород циркулирует в крови. — Но мне кажется, наша история гаснет.

— Теперь ты — поэт? — усмешка звучала фальшиво и холодно. Вероятно, он догадался о моих чувствах, или я видела в его глазах только то, что хотела увидеть. — Замечательно. К черту все это!

Коридор перед моей комнатой был слишком узким, чтобы вместить рвущийся из груди крик. Но хлопнувшая дверь разделила не только нас, она превратилась в стену, за которую я забила все свои чувства и всю боль. Я не смогла, а он не попытался её открыть — в итоге все кончилось почти без шума и ссор, как говорится, на мирной ноте, почти остались друзьями, но всё это — лживый самообман, потому что невысказанные слова гнили, а невыплаканные слезы топили. Я задыхалась.

Однако когда я думала, что не вынесу, сработал какой-то переключатель в мозгу. Когда боль, отчаяние и звук рассыпающегося сердца становятся невыносимыми, остается только исчезнуть. Это не решение проблем, потому что даже бросив управление своей жизни и чувствами, забившись за это безопасную стену, ты продолжаешь издали наблюдать за окружающим миром. Видеть его.

Каждый день, встречаясь в школе с Паркером, притупленно я чувствовала, как нечто бьется внутри, желая высвободиться. Эти встречи — как обновление ран тем же ножом, что и оставил неизлечимые шрамы. Но никому не было дело: миру было абсолютно плевать на то, как ежедневно маленькая девочка-школьница рассыпалась на части и каждый вечер пыталась склеить себя обратно. Выходило паршиво.

Я перестала выходить из комнаты.

Тяжесть загнанных в глубины сознание слов и чувств лежала неподъемным грузом на груди, придавив к кровати. Я почти перестала вставать, тратя все свое время в этом ломающемся изнутри теле, разглядывая трещины в побелке. Вдохи уже не были естественным процессом — они отнимали всякие силы.

Телефон разрывался от потока сообщений и звонков — он бесконечно вибрировал, но глаза слишком болели от сухости, от того, с каким остервенением я вглядывалась в узоры старости своего дома. Я не хотела смотреть на экран, видеть и разочаровываться, что это спам, одноклассники, родители, но, конечно же, не Питер. Мне хотелось кричать.

Мама иногда стучалась в комнату: сначала просила, потом молила и в конечном итоге начала угрожать, что обратится к врачам. Это вряд ли, потому что репутация дороже. Никто не спешит обратиться за помощью. Но ответить ей я всё равно не могла — только бесконечно думать, натирая в мозгу мозоли: голос обратился для горла наждачкой.

Кажется, я потерялась во времени. Один день был похож на другой, а часы растянулись в недели, может даже, прошли месяцы, пока я была здесь и давилась конфетами, шоколадом, газировкой. Черты комнаты потеряли резкость и цвет, словно чёрно-белый фильтр на фотографии.

В ладони три конфетки разной формы, кажется, я даже не помню откуда они. Я закинула их в рот. Сначала просто тишина, потом накатила волна, уносящая меня дальше от сегодняшнего дня. Звуки напоминали шум ручья, отзвуки которого я была не в силах различить. Когда взгляд снова начал улавливать углы потолка, пальцы — ощущать шершавые ворсинки ковра, до слуха донёлся однотонный стук в дверь.

Слюна во рту с привкусом металла и чего-то горького.

— Мишель, ты в порядке? Это Питер. Давай поговорим.

Конечно, узнала его еще до того, как он сказал что-нибудь. Но этот голос был занозой для только затихшей в душе ноющей боли, и я не хотела в него снова погрузиться, потерять себя или то, что от меня осталось. Я заткнула уши ладонями, и смысл фраз потерялся.

Он не ушел. Несколько часов он сидел у двери и о чем-то говорил. Говорил бесконечно, пока я всё-таки не открыла дверь. Скомкано, спутано — совсем как ему свойственно — Питер Паркер поднялся, уставившись на меня своими ясными карими глазами.

Мне все равно, во что я превратилась за время дикой жизни затворницы, ощущение безразличия всего мира ко мне поглотило остаток здравого смысла. Но, видя бледное осунувшееся лицо, пятна под глазами, рассеченную бровь и фиолетовый синяк на щеке, стена внутри меня будто дала трещину — одну из тех, что плелись сетями на потолке, изученном мной вдоль и поперек. Питер смотрел на меня с таким блеском в глазах, что мне захотелось закрыть дверь и спрятать свою разбитость под одеялом.

Его бровь была рассечена, губа разбита, на щеке расцвёл красно-синий синяк. Наверное, ему было больно.

— Привет?

Недосказанность, на которой мы расстались, вынуждала меня ломать руки и не давала покоя изнывающему сердцу. Первое произнесённое за долгие дни слово першило в горле. Но Питер просто стоял и смотрел на меня. Снова тишина селилась между нами, будто расталкивая в разные углы.

Он опустил взгляд и коснулся ладонью шеи.

— Может пройдемся?

Могла бы поклясться, что в скромной кафешке напротив моего дома, куда меня привёл Паркер, немногочисленная часть посетителей пялилась только на нас. Ничего удивительного,

я на их месте тоже пялилась бы на двух подростков, которые выглядели так, будто месяц жили на улице.

Часть меня еще была далеко. Она не замечала происходящее — это помогало мне сидеть, поджав колени к груди, и спокойно смотреть на человека, разбившего мне сердце. Как же это сладко звучит, но впервые в жизни мне не хочется издеваться на этой лирикой, потому что теперь я понимала всех тех, кто вынул сердце и возложил его на алтарь любви. Джейн Остин, признаю, ты была права, когда писала, что все мы — дураки, когда влюблены.

Паркер молчал, хотя сам пришел и вытащил в люди.

Так странно, когда вокруг шумели люди, постоянно о чем-то говорящие, когда вокруг звучала мелодия, льющаяся из радио, но при этом внутри меня была гнетущая тишина. Она ширилась и росла, грозясь выйти за пределы тела. В ней роились жестокие мысли, больше напоминающие иглы.

А Питер молчал.

Он выглядел изнуренным. Взгляд зажигался, только когда поднимался на меня, но слишком быстро опускался, не давая мне различить чувства. Не уверена, правда, что все еще способна на это. Но мне все больше чудилось, что только мне было невыносимо это молчание, вся эта неотесанная концовка с тремя точками.

Скажи что-нибудь, Питер. Выдай свою типичную глупость, дай мне знать, что всё не просто так.

Просто скажи!

— Ребята беспокоятся о тебе, Эм-Джей, — он избегал смотреть мне в глаза, сверля взглядом трубную палочку, которой крутил содержимое стеклянного стакана. — И я тоже.

Наши глаза на мгновение встретились, но я опустила голову, плотнее прижимая колени к груди.

— И что? — говорила я сиплым, тихим голосом.

— Я каждый день звонил тебе, но ты не брала трубку. Твоя мама не хотела видеть меня и обещала натравить на меня соседского пса, если я ещё раз заявлюсь на ваш порог.

— Жаль, она ограничилась угрозами, — моя улыбка была кривой, но взгляд полоснул как следовало. — И чего ты хочешь, Питер Паркер? Я не из тех девочек, что из-за *тебя* могут вскрыть в ванне вены, окей?

Питер затих, тяжело вздохнув, и попытался улыбнуться. Болезненный прищур испортил эту улыбку, но она всё равно была красивой.

Черт.

— Я не хотел делать тебе больно.

— Да, я так и подумала, когда ты решил, что слишком крут для пацанки с глупым чувством юмора, и приударил за новенькой. Как её там? Глин?

— Гвен, — шёпотом исправил Питер и получил в ответ саркастический смешок. — Ты всё...

— Минутку, — я выпрямилась, спустив ступни на пол. — Ты сейчас хочешь сказать, подожди-подожди, «ты всё не так поняла»?

Раздражение вырвалось резкой струей, наполнившей отвыкшее от чувств тело. Меня дернуло, и я подорвалась, не способная сдержать смех, который напоминал кошачий вой. Чужие взгляды осязаемо следили за моими движениями. Питер не решался меня перебить,

хотя ему хотелось остановить меня, успокоить, и это читалось во всем его мученическом выражении лица, в поднятых ладонях.

Руки дергались, двигались хаотично, когда сдерживаемые столько времени слова вырвались:

— Нет-нет. Ты правда это собирался сказать? Как в подростковых сериалах, где парень палится перед своей девчонкой и потом такой жалкий приползает к ней с этой бессмысленной фразой, будто все вокруг глупцы и ничего не понимают.

— Иногда эти жалкие парни и правда не виноваты, — он медленно поднялся из-за стола. — Просто дай мне объяснить.

Питер попытался подойти, но я отшатнулась от него. Мне было страшно снова рассыпаться. Я не хотела этого.

— Не-а, даже не приближайся. Как ты мне собираешься это объяснить? Типа это было массовым помешательством или иллюзией? Ну, когда вы целовались, помнишь? — тон моего голоса прыгал то вверх, то вниз, а слова прерывались нервными смешками. — Потом ты мне говоришь, что наша история гаснет. Сейчас снова выдаёшь очередную чушь вроде «ты меня не поняла» и...

— Мишель!

Его крик, так ему не свойственный, ошарашил нас обоих. Питер растерялся, но быстро нашелся и осторожно подошел ко мне, держа руки раскрытыми, будто пытаюсь усмирить дикого зверя, готового разорвать его на части.

— Мишель, я серьёзно прокололся, согласен. Но ты же знаешь, кто я, — его голос перешёл на шёпот, — и что моя жизнь не так проста, как хотелось бы.

Питер судорожно вздохнул и попросил взять меня за руку. Я не могла ему ответить, и он всё-таки взял мою ладонь и вывел меня из здания. Зрители нервировали меня.

— Слушай, насчёт ситуации со Стейси. Я не собирался её целовать и не могу объяснить, как так вышло. Всё просто произошло.

Я усмехнулась, но он продолжил:

— Тогда мне казалось, что если ты решишь — по-настоящему решишь — разорвать все связи со мной, то я смогу уберечь тебя. Чёрт, я — идиот, кретин — это точно. Но мне надо было ввязаться в одно дело против крупного мафиози, а следом в ещё несколько дел, из-за которых ты могла пострадать. Вся моя семья рисковала не меньше меня. Поэтому я решил, что могу попытаться хоть тебя отгородить от этой жизни.

— Я не принцесса, Питер, и мне не нужен принц, который будет меня защищать.

Он снова улыбнулся знакомой до глубины души глуповатой улыбкой. Как бы я ненавидела своё сердце, но оно снова заболело, моля меня простить ему всё. Как бы я хотела отказать ему и забыть.

— Да, это я знаю. Ты и без меня неплохо сражаешься. Но одно дело разбить дрона, другое — пережить парня с восемью железными щупальцами или ходячий источник электричества, — его пальцы нашли мою опущенную руку и медленно зацепили замёрзшие пальцы. — Мне не хватало духа сказать, что я не хочу тебя больше видеть или что нам лучше расстаться. Мне кажется, я плохо вру.

— Отвратительно.

— Да. Я хотел сделать как лучше, но оплошал.

— Что изменилось?

— Ничего, — он нерешительно держал меня за руки, а я не могла понять: оттолкнуть его или нет, — Всё по-прежнему. Я должен спасти мир и рисковать всеми, кого люблю. И я эгоист, потому что не могу оставить тебя в покое... Потому что мне правда нравится пацанка с её мрачным чувством юмора, которая отвергает любые попытки её защитить или спасти, однако обладает чувственной душой. Мне плохо от осознания совершённого, ведь мои отговорки ничего не объясняют, не делают меня благороднее. Так что я ничего не требую от тебя: ни прощения, ни принятия этой правды. Только прошу: не отталкивай весь мир из-за такого, как я.

К сожалению я понимала, о чем он говорит. Каждое его слово достигало цели.

— Но всё-таки я эгоистично спросил бы, есть ли смысл надеяться на прощение?

Глаза щипало, но уже не из-за сухости — я не проронила за дни затворничества ни слезы, — напротив, из-за подступивших, наконец, слёз. И это стало для Питера ответом — он крепче сжал мою ладонь и крепко обнял.

Возможно, когда вы являетесь пустотой, единственный способ спастись и снова обрести Себя, это позволить наполниться чувствами, которых вы боитесь и от которых закрываетесь. Позвольте им направить вас к источнику вашей жизни.